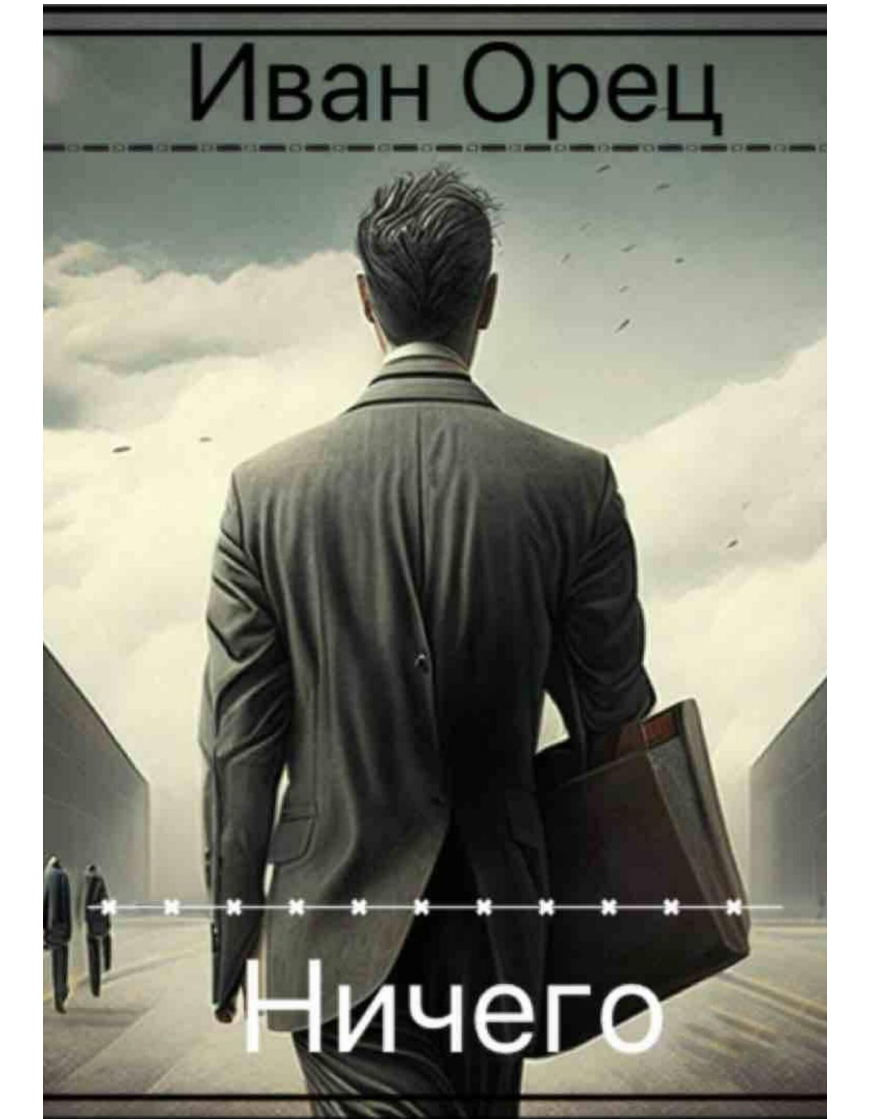

Иван Орец

A man in a dark suit is walking away from the viewer down a wide, empty street. He is carrying a large, dark brown suitcase in his left hand. The sky is filled with soft, white clouds, and a few birds are visible in flight. In the distance, two other figures in suits are walking away. The overall mood is one of solitude and purpose.

Ничего

Иван Орец Ничего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69586948

SelfPub; 2023

Аннотация

Жизнь без развития – тупик. Общество формирует личность в большей степени, чем люди могут себе представить. Нежелание изменить мир, отвод взгляда от преступлений, попустительство, ведут к тому, что людей просто устраивает происходящее. Как стать сильным мира сего, оставшись при этом личностью честной и свободной, когда вокруг тебя ложь и обман? Когда путь наверх сложен из костей твоих бывших коллег и друзей? Все на алтарь современного успеха, все для роскошной жизни и богатства. А для развития общества осталось – ничего.

Иван Орец

Ничего

Годы летят, чем старше становишься, тем быстрее время вытекает из ладоней, просачиваясь через ослабевающую хватку жизни. Так получается, что с годами времени все меньше, а дел все больше. Ты можешь всю жизнь гоняться за мечтой, целью, призванием, но наткнутся на пустоту. А можешь и дальше идти свой бесцельной дорогой, даже ни разу и не задумавшись о чем-то, кроме вопросов пропитания и места жительства.

Ему шел пятьдесят седьмой год, который, как и остальные пятьдесят шесть, он провел как обычный человек, просто живя свою маленькую жизнь. Теперь же, сидя на своей крохотной кухне в квартире, которая досталась ему по наследству, время для него уже ничего не значило, а жизнь превратилась в один из бесконечных сериалов, которые можно посмотреть с любой серии, и ты в общем-то ничего не пропустишь. Жил он свою жизнь так, как будто кто-то поместил его в тягучее и липкое желе. Мечты... мечтал он о новом спиннинге, еще он мечтал о новом телевизоре. Стремился детей поднять, которые уже давно закончили школу, а работу так и не нашли. В отличии от него, который работал честно и много.

Так он и сидел на своей кухоньке и дымил дешевые сига-

реты, которые еще мог себе позволить. Жил он в маленьком провинциальном городке, скажи о котором кому-то, тот даже не будет знать в какой области он находится, так много наплодилось таких городков. Его спокойствие прервалось в тот момент, когда в дверь постучались. Стук был энергичный и мощный.

Не помня себя, он застыл на месте и сильно испугался, хоть и никаких объективных причин для рождения этого страха не было. Бояться ему и в правду было не чего. Воровал он? Ну было дело, но не так, чтобы посадить. Врать хорошо не умел, поэтому чаще всего просто молчал. Пользуясь принципом молчи и на умного походить будешь. В общем, не ждал он никого, а входную дверь все же кто-то открыл.

Ему было хорошо, отчетливо слышно, как кто-то громоздкий пыхтел и кряхтел, снимая с себя верхнюю одежду. После чего кухонную дверь открыли и дверной проем заслонил собой здоровенный мужчина.

Мужчина или парень, точно определить возраст гостя было невозможно, бородатый, с копной кучерявых волос на голове, он стоял и внимательно смотрел на хозяина дома. Крупный и крепко сбитый, с явными признаками физической активности, выдававшей себя в ширине спины и плеч.

– Ну привет, отец. – На выдохе сказал гость и не спрашивая разрешения с лету, больше падая чем садясь, опустился на стул напротив.

– Вы... Ты... Кто вы? – Испуганно проямлил владелец

кухни, который был просто ошарашен поведением незваного гостя.

– Я так... – Начал мужчина уверенно и по-хозяйски взял жевательную конфету из конфетницы, стоявшей на столе. Быстро опорожнил конфету от обертки и отправил ей в широкий рот. Энергично жуя, были видны его белые крепкие зубы.

– Я, чм-чм, это, чм-чм. – Жуя продолжил гость. – Поговорить пришел.

–Но... Но... – Не уверенно запротестовал хозяин кухни.

– Неее, тут никак. – Бородатый гость залез рукой в карман и вытащил из него смятый до невозможности лист. Бережно разгладив его, он торжественно зачитал то, что было на нем написано.

– 26.06... Александр Александрович К. Торжественно поклялся отдать все, лишь бы перед смертью посмотреть, «а что, если?». Дальше бла-бла, стороны обязуются. Права и обязанности и договор обратной силы и расторжению не подлежит.

Услышав все это Александр Александрович – хозяин кухни, был так удивлен, что только глаза не уронил. Конечно, он не раз думал о своей жизни, стараясь при этом забить сапогами мысли такого плана подальше. Пусть мало кто может признаться себе в том, что люди боятся думать о жизни. Мало, очень мало кто может трезво и спокойно размышлять о своей судьбе и судьбе своих близких.

– Вы... – Пытался снова заговорить сидевший в шоке мужчина. – Вы... Я что умер?

– И нет и да. – Бородатый с задумчивым видом медленно поднял руку к бороде и начал её медленно поглаживать, собирая непослушные грубые волосы в один пучок. – Пока нет, но это вот-вот произойдет.

– Света! Света! – Завопил хозяин квартиры, пытаюсь встать со своего места. Но крики прозвучали лишь у него в голове. Он застыл. Звуки как будто поставили на минимальную громкость, а время встало на паузу. В глазах его потемнело и холодный ужас сковал его душу. Каким-то чувством он все понял, но разум не хотел мириться с этим. Тело его бунтовало всеми доступными средствами, сигнали о критичности ситуации. Сложившееся положение было фатальным.

– Ну-с, успокойтесь, голубчик. – Все тем же спокойным и невозмутимым голосом проговорил нежданный гость. Его как будто не касалось то, что происходило вокруг Александра. – Вот вы не буддист, даже близко. Зачем истерить и бежать от неизбежного?

Встав со своего места, гость прошелся по кухне, внимательно осмотрев предметы быта и вышел из кухни. Тем временем хозяин все так же медленно поднимался со своего места, испуганно выпучив глаза.

Александр хотел завывать, забиться, но все было без толку. Он все также медленно поднимался, но так медленно, что только он и чувствовал напряжение. Само тело перемеша-

лось со скоростью пол микрона в минуту. Полная беспомощность, полное отсутствие контроля ситуации, даже привычное мнимое спокойствие покинуло его.

Пока для одного время встало, из своего задумчивого осмотра вернулся гость, держащий в руках библию, которая давным-давно была куплена его матерью и передана Александру после смерти. Она годами лежала и пылилась, больше как память о матери, нежели книга, которую кто-либо собирался читать и открывать. Мужчина уверенно открыл её, как будто точно зная на каком месте её открывать и начал читать.

– Итак увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждается человеку делами своими: потому что это – доля его; ибо кто приведет его посмотреть на то, что будет после него? – Гость захлопнул книгу и многозначно произнес – Хорошо сказано. Ветхий завет, самая лучшая и более часто читаемая часть. Вы верующий? Наверное, как все? Партия – верим в партию. Религия – верим в религию, в Бога, и так далее и тому подобное. А сами-то во что верите? Да и не важно в общем-то.

Бородач лихо сел на свое место и продолжил.

– Я не ограничен во времени. Вот только не советую затягивать. Можно и полностью остановить для вас время. Хотите?

Александр тут-же почувствовал, как его пригвоздило к месту, а звуки из горла застыли в гортани. Все замерло в мнимой окружающей действительности.

– Тут как в шахматах, лучше сильно не спешить, но и

слишком долго ждать нельзя. – Гость упер руки в свои бока, он уже больше не был гостем, а больше походил на настоящего хозяина положения. – Лучшим решением и, как я понимаю, входом, будет спокойствие. Вам надо принять положение вещей таким, как оно есть.

Он остановился и ненадолго задумался, вновь принявшись гладить левой рукой бороду.

– Гм... Я, собственно говоря, тут по делу. Мне нужно проследить за выполнением предоставляемой услуги, желанием, или как вам там будет угодно. Поэтому, если все ясно и понятно, то кивните. Это сейчас будет можно.

Александр не сразу понял, что вновь владеет своей шеей и неловко пару раз кивнул, давая понять, что он все понял.

– В здешних реалиях можешь звать меня как хочешь, я не обижусь... Хотя, давай зови-ка меня Павел. Да, вот и договорились.

Новоявленный Павел внимательно и радушно посмотрел на своего слушателя. Было в нем что-то пугающе отталкивающие. Несмотря на добродушное лицо и вечно ухмыляющийся рот, было явно видно, что он знает на что способен. В любой момент он мог применить свои силы против любого, кто посмеет встать у него на пути. Глаза были полны какой-то странной глубины и осмысленности. Порой казалось, что он не весь находится здесь, а витает где-то в своих облаках.

– Я по-по-понял. – Заикаясь выговорил Александр, чув-

ствуя, что затрясся бы в ознобе если бы мог.

– Не ссы, Сашка. Сделаем дело и разбежимся как в море корабли, как Наполеон и мировое господство. Ну, ты понял. – Пошутил Павел.

Эта фривольность не понравилась Александру, и он почувствовал злость и презрение. Как этот хипстерский щенок смел с ним заговорить в таком тоне. Он даже забыл, что этот человек может с ним сделать.

– Это ты зря, отец. – Громко перебил его мысли Павел, лицо и тело которого стало меняться. Руки его огрубели, а тело высохло, приняв старческую жесткость монаха, который много лет постится. Кучерявые волосы поседели как мел, а лицо стали покрывать мелкие и глубокие шрамы морщин. Взгляд стал холодным и волевым, как у судьи пред вынесением приговора. Только на губах его играла все та же добродушная улыбка.

– Не стоит хаметь, отец. – Весело прервал тишину Павел. Внешний вид которого возвращался в первоначальное состояние. – Давай ближе к делу. Ты можешь изменить некоторые ключевые фрагменты своей жизни. Один фрагмент за один заход. Ты живешь свою новую жизнь, а после мы окончательно прощаемся. Как-то так в общих чертах. Время у тебя есть, но лучше не затягивай, думай. Только хорошо думай, о важном.

Почему-то Александр успокоился и глубоко задумался, вспоминая всю свою прожитую жизнь. В юности он хотел

стать экономистом, но как-то не сложилось, не срослось. Он не поступил в ВУЗ с первого раза. От армии откосил, потом пошел работать, семья и мечты об учебе испарились как роса после рассвета.

Только он подумал «что, если», как тут же оказался в одной из аудиторий института. Поступил, с первого раза и все шло просто супер. Напрочь забыв о том, что некогда был стареющим человеком, который стоял на пороге смерти. Теперь для него существовала лишь эта реальность.

Пять лет специалитета пролетели, плавно перейдя в два года магистратуры. А дальше аспирантура, преподавательская деятельность и все в этом духе. Редкие потуги влиться в бизнес, через редкие запросы на консультации по сложным финансовым вопросам. Долгие годы все шло успешно, но привкус победы быстро сменился вкусом поражения.

Ему все время чего-то не хватало. Как бы все было хорошо, все было замечательно, а главное спокойно. Поэтому он решил поправить свое финансовое положение и начал рисковать и влезать в мутные истории. Попытки подняться через махинации с биржей он пропускал мимо, не тянул он такие решения. Не было в нем волевого стержня. Вот только для себя он не мог найти ответа, кто в этом был виноват. Ответ, что это он сам, его категорически не устраивал.

Виновными оказались все, родители, жена, дети, любой, на кого можно было переложить ответственность за свои действия. Неудачи, долги и глупости привели его к лёгкому и

простому выходу – наркотики. Он уже не помнил, кто именно его угостил и где. Скорее всего это случилось в очередной раз, когда он пытался, как он думал, найти себя. В начале это была трава, так посмеяться и затуманить свой разум. Потом предложили порошок и понеслось. Его поведение не могло оставаться долго не замеченным для семьи и вскоре он совсем погряз в долгах.

Скорости, с которой он падал на социальное дно, позавидовали бы даже японские электрички. Люди всё замечали, на работе он стал как прокаженный, но его еще терпели. О бизнесе можно было забыть навсегда. Сложнее всего было его жене и детям. Только сам он не видел и не чувствовал, как медленно, но верно он превращается в мерзкого наркошу. Для него существовали лишь приходы и отрыв от реальности, которые с каждым разом становились все дольше и дольше, пока он совсем не потерял связь с реальностью.

Не помня себя, он шатался по улице полностью обдолбанный. Его забеги по волшебным долинам длились по несколько месяцев. Он нюхал, колол, курил, втирал и пил всё, что горело. Так менялся день за днём, пока он не открыл глаза и не увидел белый холодный свет больничной палаты.

Он медленно умирал и ему было совершенно все равно где он и кто он. Его мысли были похожи на хлебный мякиш, а ум практически рассыпался на тысячи осколков.

Широкий силуэт закрыл собой свет, расплываясь непонятным пятном в его глазах. Он не мог разобрать что это,

или кто это. Да ему и не хотелось, но почему-то понемногу образ стал очерчиваться, и он смог разобрать, что перед ним стоит здоровенный врач в больничном халате. Маска была надета на нос и топорщилась внизу из-за густой бороды.

– Александр Александрович, как вы до такой жизни-то докатились? Ведь были такие перспективы, могли стать академиком, большим ученым, отечественной, да и не только, науки. Эх, жаль, очень жаль.

– Люди говно. – Промямлил Александр, плавая в забвении, которое постепенно захватывало его как в клещи. – Все говно и мир тоже говно.

– Ну хватит, хватит. – С нотками грубости остановил его доктор. – Значится, первую попытку я засчитываю как удачную.

Только он это сказал, как окружение Александра поменялось. Теперь он уже не был Санькой шнырем, а вновь оказался на своей кухне в теле стареющего мужчины.

– Ах, хм, ах. – Тяжело дыша и хватая ртом воздух выдавил из себя вернувшийся с того света человек. – Не-не-невозможно. Как? Как?

Слезы брызнули у него из глаз, и он попытался встать со своего места. Ему очень хотелось встать и забиться в истерике. Александр хотел бежать, он боялся всего и вся.

– Помоги мне. – Сквозь слезы начал он.

– Ну уж нет. – Твердо и без грамма сострадания ответил ему уже не доктор, а Павел. – Второй вариант, уважаемый

Александр Александрович. Тут уж давай без шуток. Второй сценарий и точка. МЫ тут с тобой не в бирюльки играем.

Как только мужчина это услышал, вновь встал в ступоре и задумался о прошлом. О том как было и как могло случиться. Ему впиалась мысль о том, что зря он отказался тогда пойти в армию. Эта навязчивая мысль гвоздем засела у него в голове и вновь вокруг него все завертелось. Кухня куда-то пропала, и он вновь оказался в теле молодого парня, у которого все еще было впереди.

Не поступив с первого раза, Саша уверенной походкой отправился в военкомат, где его с радостными объятьями приняли и записали на грядущий призыв. Военная врачебная комиссия, распределительный пункт, и вот он уже лысый и напуганный стоит в строю зеленых человечков.

Срочная служба показалась ему по началу не сахаром. Постепенно старшие сослуживцы дали понять, что честная служба – это удел лохов. Пусть сапоги шагают и бегают с автоматами, нормальные пацаны кайфуют и мутят дела. Главное четко знать свое место и границы дозволенного и не забывать делиться с теми, с кем надо. Мути дела и никогда не отказывай в помощи старшим, а своих стрижи как овец.

Вот он уже подписал контракт, потом курсы офицеров на девять месяцев и вуаля, он уже офицер родной армии. Дальше больше, главное всегда знать кому надо служить, этого нельзя забывать ни в коем случае. Познакомившись с нужными людьми и вот, он уже переведен с пехоты на склады.

Попав на склад горюче-смазочных материалов Алесандр К. развернулся по полной.

У начальников начали строиться коттеджи за городом и квартиры в центре города. В ход шло все, что могло унести и то, что унести было нельзя тоже шло в дело. Солдатиков на стройку за печенье и варенье, горючку на бензозаправки, детали в магазины.

Сила денег опьяняла, а крепкие связи давали понять, что ты твердо стоишь на ногах. Он стал считать себя чуть ли не пупом земли, что там генералы, которые зависели от его откатов и жадно потирали ручки от счастья иметь такого подчиненного. На Александра начался ажиотаж и в столице не могли проглядеть такой талант. Попав в штабы армии начались ложные учения, главное технику выгнать и сделать фоту. Горючку списать, патроны списать, форму списать, продовольствие списать. Бизнес есть бизнес, главное грамотно все отрапортовать и не забыть поделиться.

Хорошо зажил Александр и весело гулял, тратя деньги налево и направо. Пить приходилось много. Проставы за выполненные дела, поляны проверкам из генштаба. Постоянный стресс и нервы из-за некомпетентных посредников, которые так и норовили попасться кому-нибудь, заставляли тянуться к бутылке. Она была с ним в печали и радости, в горе и веселье.

Хорошо, бодро шли дела у Александра, и он подумывал купить спокойное хлебное место в одном из штабов армии.

Устал он быть в авангарде, на острие атаки, так сказать. Нужно было расти дальше, полковничьи звезды уже жали плечи, и он мечтал об одной большой генеральской звезде. Воевать «товарищ» полковник не хотел наотрез, но заниматься обеспечением военных действий был готов как никто другой. При этом всеми силами старался всегда подбадривать словом тех, кто воевал, мол молодцы и всё такое. Родина вас не забудет, а что бронезилет плохой и берцев нет, это уж извините. Главное воюй, дорогой, не смотри назад и в карман чужой не лезь. А если кто из ветеранов рот разевал на него, то он тут же закрывал им рот, говоря, что сам он тоже ветеран. Он и в самом деле получил ветерана, посидев в аэропорту пару дней и отпив с тамошним начальником продовольственного склада. В ветеранском статусе воевать не надо, надо просто знать у кого поставить печать. Родину Александр любил, только не как мать, а как дойную корову. Не будет молока – на мясо. Мяса нет, значит на кожу и мыло. Как говорится, с драной овцы и шерсти клоч.

Так и жил Александр К. радуясь свой доле и месту хлебному. Всю семью свою он учил деньги любить и уметь пристраиваться к системе. «Система своих любит, надо в ладу быть с системой». Говорил он своим, добавляя при этом – «Рука руку моет, а вместе лицо!».

Вот однажды неким прекрасным летним теплым вечером банда коррумпированных офицеров, собравшись на вилле одного из них, обмывали вступление в их ряды нового нео-

фита. Молодому майору еще предстояло доказать свою преданность и нужность, а пока все члены кружка хлопали его по плечу, делясь своими мнениями о его будущих успехах и откатах. Сам Александр Александрович плясал и пел, пока ему не стало плохо, да так, что пришлось вызывать скорую помощь.

Если сам Алесандр был готов верой и правдой обворовать свою родину, то вот печень решила выйти в раннюю отставку. Мода на церковность еще не наступила, а как бы хорошо сказались посты на здоровье. По старой традиции беда не приходит одна, а с подругами. Которые весело и задорно разносят жизнь в щепки. По крайней мере, жизнь Александра поплыла как боксер после нокаута.

Вместе с печенью полетели дела по работе. Не имея больше возможности за всем следить и вовремя делиться тем, чем причитается, по душу ретивого бизнесмена натравили военную прокуратуру. Просто так убрать Александра было можно, если бы он сам ушел на покой, но он не захотел. Веря в то, что он сможет выздороветь и все вернется на свои места. Да только он все глубже и глубже утопал в собственных делишках.

Чувствуя неминуемую карающую длань государства, в которое Александр никогда не верил, ведь четко знал, кто это государство представлял, он старался напрячь все свои связи. Но ему четко дали понять, что спасения не будет и он должен быть положен на алтарь жертвой. Ему объяснили, что

так будет лучше всего и все останутся довольны, массы получат зрелища, а другие отведут от себя беду. Ему пообещали не трогать детей и счета, так конфискуют кое-что, но не больше. В общем, его любимая система пережевала его и решила выплюнуть, оставив на обочине. Поэтому Александру больше ничего не оставалось, кроме как пропивать остатки здоровья, и он люто запил. Наплевав на запреты врачей, несмотря на вой жены и уверения в любви любовницы.

Пил он лихо и, как умел, на широкую ногу. Пропивая за день денежное довольствие рядового контрактника за год. Твердо решив никуда не бежать, Александр просто ждал своей участи, топя осознание тщетности бытия на дне стакана. Наверху видя его пофигизм, тоже решили не тянуть и направили к нему своих псов.

Он шел пьяным к машине, когда ребята в форме и масках подбежали к нему. В мгновение ока мир его перевернулся, усугубляясь вертолётами и накатывающей тошнотой. С учетом опьянения и плохого самочувствия, бедный желудок протестовал и, вывернув свое содержимое наружу, обдал асфальт блевотиной и желчью.

Трезвел уже полковник в следственном изоляторе службы собственной безопасности. Его обыскали и забрали все личные вещи. Темная камера и вонючий матрас кричали ему о том, что он в полной жопе. Правда долго ждать ему не пришлось. За ним пришли, приволокли его довольно быстро. Стоять сам он уже не мог, так как ноги его не держали. Он

пытался что-то мямлить, но не брыкался. Все же понимал, что такое поведение тут никак не прокатит.

Втащив его в узкий темный кабинет и бросив на жесткий стул, перед ним вырос силуэт крепкого бородатого следователя. На лице которого красовалась ироничная улыбка.

– Ну-с, здорова, Александр Александрович К. – Энергично и весело прогремел следователь. – Вот ты и доигрался, уважаемый.

Резко Александру стало плохо и в глазах его помутнело, лишь голос следователя добирался до него. Он начинал вспоминать кто тот такой, этот следователь, доктор и бог знает кто еще.

– Чего тебе не хватало? Родину не жаль, Саня? Не жаль, я знаю. А ведь мог быть честным и добрым командиром, хорошим товарищем, защитником. Не корчись и не моли о пощаде. – Павел вытащил из стола толстенную папку и с махом опустил её на стол. – Людская натура не меняется, вот что я тебе скажу. Если ты мразь, ты в любом случае мразь!

Павел нависал над расплывшемся на стуле Александром, который ничего, казалось бы, не понимал, но постепенно до него начинало доходить. Ему было очень плохо, и он весь пожелтел, напоминая чем-то скукоженный яичный желток.

– Тебе конец, Сашка, и тебя убьет не правосудие, а ты сам. А все почему? Потому что денег не хватало, все было мало и мало. А счастлив хоть ты был? Да ты и не познал этого счастья. Ты хоть день провёл не обманывая и не лукавя? А

жизнь-то прошла, а ты оставил после себя лишь след. Дааа, ты оставил после себя хороший след. Нагадил, как и такие же, как и ты гниды, а убирать придется кому-то другому.

– Я не... я... я... – Хотел было возразить Александр, пытаясь хоть за что-то схватиться, чтобы не захлебнуться в страхе, который накатил на него. – Я жил, как все. Я выживал в системе!

– Как все, да не все. – Следователь встал и с презрением посмотрел на него. – Желания все молочные, все. Да, что это я время вообще трачу на тебя.

Весь мир для Александра снова замер и тело его сковала боль. Он зажмурился, а когда открыл глаза, оказался в своей квартирке. Голова болела и его слабое сознание отказывалось понимать происходящие, в нем все еще жил «товарищ» полковник. Силы его покидали, и он хотел упасть и рыдать. Забыться, спрятаться и больше не видеть этот страшный мир.

– Так-с, уважаемый Александр. – Громадный Павел казался сейчас еще больше. – Давай-ка дальше. Бодро начали, бодро кончим.

Открыв глаза, Александр понял, что стоит на четвереньках и начинал заваливаться на бок, хватаясь левой рукой за грудь, в которой растекалась острая боль. Ему очень хотелось остановить этот хоровод безумств. Слова, услышанные опять заставили его вспомнить юность и все вновь закружилось-завертелось.

В мгновение ока он оказался вновь в юном возрасте. Иногда ему приходила в голову идея заняться политикой. Был у него друг, который все время крутился возле партий. В период, когда он не поступил в университет и еще не попал в армию он зазывал его с собой на сборы партии. Только теперь юный Александр внимательно слушал что ему говорят и всеми силами пытался вникнуть в процессы.

Начало карьеры пошло как по методичке. Вступление в партию, волонтерская работа, сборы и разного рода мероприятия. Общение со старшими сопартийцами, которые внимательно присматривались к молодняку, а молодняк должен был из кожи вон лезть, что бы их заметили.

Юный Александр был не шибко умен, но был хитер и всегда знал свое место. Если сложные вещи были ему не понятны и в науку он не лез, то житейские вопросы он схватывал на ура. Кто с кем дружит, кому следует помогать, а кого следует опасаться.

Он быстро понял, как работает партия и какие цели она преследует. Вместо светлых и добрых улучшений мира, движения по просвещению общества, главным было захватить места в правительстве, поставить своих людей на нужные места и осваивать бюджет. А вся лабуда по поводу света и добра была глупой, и, самое главное, опасным делом. Всяких революционеров никто особо не любил, они только мешали общему настрою и целям партии.

Куда легче и выгоднее было делать все для галочки, на

показуху. Помогли инвалидов покатать на лодочках – сделай много фоток. Купили дешевых конфет и самого простого чая для пенсионеров, мол гуманитарная помощь – сделай фотки. Поучаствуй тут, помоги там, побудь здесь – самое главное сделай фотки. Вуаля, и твое фото уже на стене почета, где красуются лучшие и перспективные молодые партийцы. Ты на слуху и все приводят тебя в пример как хорошего человека, как говориться – главное себя правильно показать.

Медленно, но верно, Санечка двигался вверх по карьерной лестнице. Вот уже из партийной молодежи он, как резвый сперматозоид, стремившийся к матке, пробивается к ядру партии. Достигал своей цели он энергично и уверенно. Внутри организации он был волком и лисой, а снаружи милой и нежной овцой. Он всегда считал, что работать надо так, чтобы делать п минимуму, а получать по максимуму.

Вступив в бюрократический аппарат, Александр развернулся по-настоящему. Подлог и фальсификация, сплетни и придворные интриги стали его постоянными спутниками. Он копил компроматы и сам старался не попадаться, выбирал нужные стороны и ему везло. В мире, который для себя сформировал Александр места честности и правде не было. Равнялся он на самых хитрых и жестоких, мечтая стать таким же. Остальные были всего-лишь овцеподобной серой массой.

Быстро найдя себе наставников, достойных его талантов и ума, Александр начал быстро учиться и оттачивать свое ма-

стерство политика. Как и с кем говорить, какие откаты бывают, как лоббировать идеи, где получать деньги, через кого выходить на нужных людей. Обязательно нужно было скоту в лице общества давать красивые обещания и изредка подкидывать подачки. Только делай всегда то, что тебе удобнее всего, но акцентируй на том, как это было сложно и на какие уступки пошли ради этого. Люди всегда должны знать, что власть решает за них что им нужно. А верх мастерства было воспитать у скота отчаяние, когда ему вообще все равно, что происходит. Тогда вообще можно было ничего не делать, изредка проводя какие-нибудь мероприятия для галочки.

А если ты карьерист, тогда терпи и умей лавировать. Умей и денег на откаты заработать и толпу умаслить. Проведи концерты, давай людям водки и зрелищ. Чини парки и ставь лавочки, но не забывай подписывать кто их поставил. Создавай видимость, что ты и только ты работаешь на благо общества. Все действия должны буквально кричать – вот он, наш спаситель во плоти. Не забывай открывать пивнушки и алкотеки. Парки можно фоткать, а пивняки помогут спаивать большую часть избирателей, которым потом можно будет заплатить по рублю за их голоса, которые они весело спустят на алкоголь.

Еще важно дружить с хозяевами местных газет и почаще светиться в них, сугубо как положительный персонаж. Создание имиджа – вот ключ к успеху. Создай образ святого, а потом можешь хоть сношать монашку, главное, что твой

образ был связан с борцом за свет, правду и свободу.

То же казалось крупного и среднего бизнеса. Заставь дельцов вкладывать деньги в инфраструктуру, а взамен можешь продать по блату какие-нибудь земли, принадлежащие администрации. Также можно продать льготы из бюджета. Правда, предварительно их поделив. В итоге на деньги, выделенные на освещение дороги, окультуривание участков, делаем что-то одно, а остальное осядет на счетах левых фирм и компаний.

Учился Александр премудростям сложной и тяжёлой работы политика прилежно. Поэтому вскоре ему стали доверять такие дела, которые были столь деликатны, что он стал помощником лидера фракции в их регионе.

Таланты выросшего в политической диктатуре Александра цвели и пахли. Конечно, среди политиков и партий иногда попадались хорошие, в меру честные и ответственные люди, вот только жизнь устроена так, что мы видим и ощущаем окружающий мир в большей мере через свое окружение. Каждый может рассказывать о своем инфантильном, субъективном мире. Так и Александр жил секундой, не задумываясь о вечности. Женщины – только хитрые и подлые, друзья – карьеристы, ждущие, когда кто-то из своих упадет, чтобы разорвать павшего на трофеи. Дела – только скользкие и мутные. Выборы, подкупы и снова выборы. Партия, пусть медленно, но, верно, набирала обороты, занимая места в государственной думе, в высших и средних чиновничьих

постах.

Годы бежали, а Александр их не ощущал, можно сказать, жизнь проходила мимо. Дела тут, дела там. Беготня и волокита, сложности и трудности везде поджидали его, но хранимый кем-то он всегда выходил сухим из воды в ситуациях, где это было просто невозможно. Также он полюбил камеры и отточил способности отвечать на совершенно любой вопрос так, как ему было удобно.

– Как вы смотрите на реставрацию пешеходного моста? Когда установят освещение на дороге? Кто будет отвечать за постройку нового детского сада?

На все это он мог дать тысячи ответов и говорить часами обо всем и ни о чем. Уводя тему туда, где ему было удобно отвечать.

– Для нас ключевым направлением является служба народу. После грядущих выборов, мы сможем видеть политическую тенденцию, направленную в сторону решений основных вопросов. Благодаря действиям административного аппарата, уже сегодня можно увидеть успехи нашей политики в сфере общественного благоустройства. Взгляните...

И так могло продолжаться до бесконечности. Постоянно говори, но ничего не рассказывай. Создавай информационный шум.

Постепенно из простого Сашки он вырос в почтенного Александра Александровича, который смог протолкнуть свою кандидатуру в нужных кругах и занять пост главы ад-

министрации небольшого поселка вблизи одного из мегаполисов.

Вот где по-настоящему развернулся новый Бисмарк и Киссинджер отечественного пошиба. Поселок был запущен и практически брошен, в административном плане. Старый глава тихо сидел и спокойно воровал деньги из бюджета, которые направлялись на благоустройство поселения. Сам по себе он был человеком не злым, но крайне хитрым и прижимистым, поэтому смог десятилетиями сидеть у кормушки, не привлекая лишнего внимания к своей скромной персоне. Так и жил бы дальше пожилой администратор политического пошиба, пока к нему в угоды не явился Александр со своей бандой.

В руках администрации было много земли, которую нужно было реализовывать. Этому благоприятствовал разрастающийся город, которому было уже тесно в своих рамках. Как только лапки Александра дотянулись до власти, он тут же начал извлекать выгоду из всего, что оказалось у него в руках. Легким движением руки карьеры засыпались, а наглые местные начали сгоняться с участков, которые те незаконно заняли под свои халупки и огородики. Поля, сданные в аренду, продать в собственность через хитренькую схемку с приватизацией, и вот государственные поля уже вовсе не государственные, и загораживает их широкий высоченный забор.

Но только брать нельзя. Нет-нет, это сразу будет наказуемо и свои же сдадут тебя с потрохами. Делись со всеми и не

забывай об собственном лице. Построй вместе с жильцами именную аллею с березками-сосенками, возле каждой из которых будет видна табличка, какая семья посадила деревце. Стоит это две копейки, а для пиара крайне выгодный ход. Обязательно проводи какие-либо мероприятия – это полезно для бизнеса и для образа среди избирателей. Можно даже отремонтировать парк, главное сильно не тратиться и не превышать бюджет.

Пиар любой ценой, фоточки, посты в социальных сетях, статейки в местных «брехунках», вот главные столпы, на которых держалась власть Александра.

Несколько лет все было просто супер. Жизнь была ключом, а успехи в администрации довели его до того, что Александра начали посещать мысли, а не пора ли идти дальше. Он чувствовал, какие перспективы открывались перед ним в случае успеха. Вот только не рассчитал чуток свои силы и корона власти начала давить ему на голову. Александр начал наглеть и задевать своей наглостью тех, кого ни в коем случае нельзя было задевать.

Жадность – крайне страшный и опасный грех. Это Александру пришлось прочувствовать на своей шкуре. Тут он очень обнаглел и не ожидая решения суда, снес гаражи местных; там засыпал пруд, из-за чего возбудил зеленых и дал пищу своим конкурентам. Где-то нагнал людей и купил их голоса, не стесняясь поставив палатки прямо возле участка. Обидел бизнесмена, потребовав слишком большой откат.

Все это были цветочки. Не подумав хорошенько, Александр замахнулся на кусок, который был ему не по зубам. Он захотел иметь долю с коммерческих построек, которые были связаны с губернатором. Им завладело желание построить свой мини-лакшери район, он хотел выгнать застройщика и поставить своего. Было полной правдой, что они обманывали людей и строили, нарушая все мыслимые и немыслимые правила и нормы, только это была контора, которую специально поставили. Конечно-же, не просто так.

Ответочку долго ждать не пришлось. Бан в виде прокурорской проверки и дальнейшее раздувание уголовного дела прилетел на сером автобусе с надписью дети. Дальнейшие забивание гвоздей в крышку гроба, было легким и ненавязчивым. Все всё прекрасно знают, кто и как работает. Ты просто не сможешь войти в эти круги, не приняв правила этой игры.

На Александра спустили всех собак, тут и люди вспомнили все обиды и преступления, что успел наворотить он за время своего пребывания в должности. Нанятые специально люди правильно раскручивали статьи, так, чтобы не задеть тех, кого задевать было не надо. Выходило так, что это Сашка мутил воду в честном и светлом правительственном аппарате, а никто и не знал об его делах. Все важные люди официально порицали такого политика и говорили, что именно из-за таких как он и плохо живет человек.

Теперь, когда его карьера была разрушена, его ренжровер

лихо мчался по трассе в сторону резиденции одного из его влиятельных патронов, который мог если не спасти его, то хотя бы отмазать от срока. Он долго ждал назначения встречи, и как только получил добро, сразу помчался к месту. В его голову закралась мысль шантажом выбить себе свободу и, может даже какое-никакое теплое, хлебное место.

Дорога виляла из стороны в сторону, машина бодро подпрыгивала, встряхивая на неровностях покрытия. Подпрыгнув на одной из кочек, его сердце замерло. Звук битого стекла и врывающийся свист воздуха, нашедшего себе путь через образовавшиеся отверстия, заполнили машину. Тело водителя несколько раз дернулось, а Александр, который сидел сзади, вжался в сидение. Он не видел, как машину занесло, и она на скорости ста восьмидесяти километров в час влетела в здоровенную сосну.

Грохот был такой силы, что первые минуты он думал, что отдал душу богу, в которого верил всем сердцем, и по новой моде даже помог отстроить церковь. Это, как он думал, должно было помочь ему пред великим судом, который ждал его в конце. На те деньги, что он выделял религии, он считал, что уже забронировал себе место в царстве божьем.

Но шум в голове и боль, которая появилась так же резко, как и произошедшие события, говорили ему, что он все еще жив. Только он не знал, как долго ему еще быть живым. Пытаясь вылезти, он понял, что его придавило и сам выбраться из обломков машины он не сможет.

Водитель и охранник, которые сидели впереди, были мертвы. Крупное тельце охранника водителя смяло, а второго придавила стойка и вдавила голову в сиденье так, что голова практически оторвалась от шеи и держалась только потому, что была прижата.

Оказавшись в тисках металлолома, который стоил как зарплата за всю жизнь среднего рабочего, он завыл как животное. Его бок был разодран, и он чувствовал неприятный холодок в брюшной полости. Человек вообще так устроен, что на подсознательном уровне, если у него, что-то не так со здоровьем, нервная система пытается защищаться от того ужаса, который открывался разуму.

Пока Александр хрипел и бился в корчах, над ним нависла широкая, крепкая фигура.

– Ну-с, Александр Александрович. Вот и попался, который кусался. – Зазвучал звонкий и полный жизненной энергии голос. – Не долго мучилась старушка... Да-Да.

Мужчина обошел машину и внимательно осмотрел все композицию. Капот вдавило, а двигатель оказался внутри салона, превратив в кашу тела впереди сидящих.

– Слабовата охрана-то. – Констатировал Павел. – Лучше меньше, но опытней. А то как-то смешно получается. Ну ладно, уже не важно.

Незванный гость повернулся к напряженному от шока Александру, который уже начал чувствовать всю полноту боли.

– Все, тью-тью. Тут можно даже и не добивать. – Весело начал он, посмотрев в сторону, откуда вели огонь. – Эх, бывшие боевики, жертвы системы. Их пестуют государства для войны, а потом выбрасывают. Вот они и идут зарабатывать деньги так, как лучше всего умеют. А ты скоро все вспомнишь.

Как только незнакомец это сказал, как Александр тут же все вспомнил. Ему вдруг стало очень-очень грустно.

– Ты... т... – Он захлебывался своей кровью и не мог говорить.

– Знаю, знаю. – Перебил его Павел, смотря прямо ему в глаза. – Почему нельзя все помнить, так не честно. Почему так жестоко и все в этом роде. Вот только все это дело рук твоих. Я тут не причем. Ты сам все это сделал. Да и чего ты хотел?

Александр чувствовал ком в горле, и как горячие слезы потекли по его лицу, пока из горла тонкой струйкой текла кровь. Боль отчаяния душила его.

– А я отвечу тебе, если ты не можешь – ничего. Ничего ты не делал и не хотел делать. Жил как животное и каждый раз все хуже и хуже. Деньги, власть, где все это? Кому ты нужен? А никому ты тут не нужен, и ничего ты не сделал хорошего.

После этих слов весь окружающий мир застыл. Раненый политик закрыл глаза и мир потух. Вновь все перевернулось. Александр, как всегда, сидел на своей кухне, на своем любимом месте. Только сейчас он умирал от сердечного присту-

па, он это точно знал.

– Так-с. – Глухо сказал Павел. После его слов все в комнате вернулось на те положения, когда он только пришел. Боль в груди Александра отпустила, и он сидел, как тогда, когда только впервые увидел этого человека. Сколько лет прошло с тех пор для него, он не мог поверить своим глазам. Не выдержав нервной и душевной нагрузки, он в который раз горько заплакал.

– Ну-у-у, что это такое? Какие слезы, вы же не Ванга, предчувствовать будущее. Крепитесь и держите себя в руках, уважаемый.

– Что, что дальше будет? – Сквозь слезы спросил Александр.

– Ничего не будет. – Спокойно и холодно ответил его гость.

– Вы! Ты! Ты – зло! – Воскликнул старик. – Дьявол, демон, исчадь ада во плоти.

– Ну уж нет. – Резко остановил его гость. – Давай без оскорблений, ты откуда знаешь, кто я такой? Откуда такая уверенность? Вам дали возможность попробовать прожить свою жизнь по новой и не один раз. Но вместо добра и света вынесли в мир только зло и множили горе. Сколько жизней вы загубили за свои попытки, кому вы по-настоящему помогли? Вы ничего не усвоили и не поняли.

– Я не мог иначе. Меня так воспитали...

– Мог, еще как мог. Не надо тут ля-ля. Мог спросить у

меня, как и что, мог посмотреть по сторонам и выбрать путь сложный, но добрый. Куда легче жить как хочется, и пользоваться всеми как предметами. Даже раб может убить себя и прервать страдания. Но большинство предпочитает влачить жалкое существование, вместо того, чтобы свергнуть угнетателя. Порой бывает так, что толпу рабов держит в узде всего один надзиратель. Они терпят удары бичом и сетуют на судьбу, вместо того, чтобы встать друг за друга и спастись от гнета. Всех ему все равно не убить, но нет, вы терпите побои и поборы. Готовы стать животными, нет, хуже, вы готовы стать паразитами в своем обществе, чем жить хорошо. Ваша жизнь идет из ничего и придёт к ничему.

После этих слов повисло молчание, которое заставило Александра Александровича глубоко задуматься над всем, что с ним произошло. Зачем он жил? К чему стремился? К чему в итоге пришёл? Жена, дети, все это было просто так? А чего он хотел, по-настоящему хотел, без притворства и лукавства?

Все это лавиной обрушилось на его голову. За всю свою жизнь он боялся остановиться и задать себе вопрос. Все эти философствования были не для него, он просто жил. Жил бесцельно и крайне пусто.

–Жил, жил, жил...

Начал было Александр, слово бубня его себе под нос, углубляясь все сильнее и сильнее в свои мысли. Он мог бы осмысленно жить, ставя перед собой цели. Даже те ужас-

ные жизни, что он удосужился прожить, полные грязи, лицемерия и жестокости, были прожиты без цели. Кем был он, Александр Александрович К.? Работником он был так себе, отцом и мужем тоже. Дети росли как трава в поле, а жена все эти годы вяла, не видя ласки и добра, хотя всегда их заслуживала.

Жизнь свою он, по сути, прожил так себе. Не ценил моменты счастья, которые были, и было их не мало. Но он не видел ничего хорошего, не хотел видеть. А ведь столько всего доброго и светлого окружало его, он мог бороться за добро, за свет. Мог, но ничего не делал. Жизнь, в которую он особенно не верил, да и особо не хотел верить, очень быстро прошла. Пролетела, оставив позади все мечты с годами, которые всё мельчали и мельчали, пока не превратились в пыль.

Александр очень хотел бежать, спрятаться и больше не видеть ничего. Мысли, которые он гнал от себя долгие годы, теперь встали перед ним и обрушил на него свои удары. Удары правды, реальности и боли фактов.

На фоне жизни и её процессов он увидел, каким он был маленьким, незаметным. Что он оставил после себя? Какое место он занимал? Как он помог обществу?

– Ты! – Александр поднял полное слез лицо на непрошеного гостя. – Ты уничтожил меня! Ты обесценил мое существование и показал то, что я не хочу видеть и слышать! Я имел право не знать и не видеть. Это мой выбор! Мне не

нужна ваша правда и истина!

– Эх... – Как-то устало выдохнул Павел. – Вот вся твоя натура. Виноват всегда кто угодно, только не ты. Вот только правда найдет вас всех без исключения, как не прячь голову, она всегда рядом. Вы знаете, когда врете, а когда говорите правду. Это вложено в вас. Винить о прожитой жизни ты должен только себя самого. Ты и только ты виноват во всем, что происходит с тобой. Если тебя угнетают, поднимай голову и веди людей вперёд, к правде. Нет такой войны, нет такого преступления, которое можно оправдать. Зло порождает еще больше зла. Лучше бороться и умереть с правдой, чем жить во лжи. Не вини меня в том, что ты тонешь в грязи, которую сам себе и сбил. Даже то добро, что ты мог бы сделать, ты не делал. Винить бога, судьбу, людей – это удобно.

Закончив свой монолог, Павел встал со своего места и направился к выходу. Время, до тех пор застывшее, вернуло себе свои права и пошло в привычном темпе.

– Пожелал бы удачи, да не буду. – Сухо попрощался гость на выходе из кухни. После чего вышел окончательно, закрыв за собой дверь.

Как только Павел исчез, чувство времени вернулось и к Александру. Чудовищная боль сковала его грудь, и теперь он, схватившись за нее, рухнул на пол.

– Света, Света. – Полушёпотом начал он звать жену к себе, которая должна была быть в соседней комнате. – Света... Свет...

Он хрипел и уже не мог говорить. Еле держась, он сполз на пол и стоял на четвереньках. Все пред ним поплыло и теперь уже по-настоящему весь мир померк. Голова полностью освободилась от мыслей. Для него все закончилось.

Упав на спину, он все еще держался правой рукой за грудь. Его пусты, остекленевшие глаза уставились в потолок. Через час его найдет жена, которая больше от страха, чем от горя заплачет над ним и вызовет скорую помощь. Еще через час его увезут в морг. А еще через три дня, его похоронят на городском кладбище.